

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Молодой англичанин, стр. 6

– Именно потому, что я не пришел к такому убеждению, я охотно думаю о людях хорошее, – ответил тот. – Со мной было так же, как с вами. Я жил каждодневными заботами; мне пришлось nasлyшатьcя много плохого про людей, самому на себе испытать много дурного, и я начал считать всех людей злыми.

Но я подумал, что Аллах – столь же справедливый, сколь мудрый, – не потерпел бы на нашей прекрасной земле порочного рода человеческого. Я начал размышлять о том, что видел, о том, что пережил, – и что же оказалось? – я помнил только зло, а добро забывал! Я не замечал, когда кто-либо творил дело милосердия, я считал вполне естественным, когда целые семьи вели добродетельную и праведную жизнь. Но всякая весть о злом и дурном западала мне в сердце. Теперь я иными глазами смотрю на окружающее.

Меня радует, когда добрые всходы не так скудны, как я полагал раньше; я меньше замечаю зло, или же оно не так бросается мне в глаза, и я научился любить людей, научился считать их хорошими и за свою долгую жизнь реже ошибался, когда хорошо отзывался о человеке, чем когда считал его скупым, глупым и безбожным.

На этих словах старца прервал подошедший к нему надсмотрщик над рабами.

– Господин мой, александрийский шейх Али-Бану, – сказал он, – с благосклонностью заметил ваше присутствие в зале; он приглашает вас занять место подле него.

Юноши считали старика нищим и потому немало подивились чести, выпавшей ему на долю, и когда он отошел, чтобы занять свое место около шейха, задержали надсмотрщика, и писец спросил:

– Заклинаю тебя бородою пророка, скажи, кто этот старик, с которым ты говорил и которого так почитает наш шейх?

– Как! – воскликнул надсмотрщик и от удивления даже руками всплеснул. – Вы не знаете этого человека?

– Нет, мы не ведаем, кто он.

– Но ведь я не раз видал, как вы беседовали с ним на улице, и шейх, мой господин, тоже это приметил и только недавно еще сказал: «Должно быть, это достойные юноши, раз такой человек почтил их своей беседой».

– Так скажите же, кто это! – в крайнем нетерпении воскликнул молодой купец.

– Полноте, вы потешаетесь надо мной, – ответил надсмотрщик. – В этот покой допускаются только по приглашению, а сегодня старик просил меня узнать у шейха, не соизволит ли шейх разрешить привести сюда несколько юношей, и Али-Бану повелел ему передать, что он может располагать его домом.

– Не оставляйте нас дольше в неведении! Клянусь жизнью, я не знаю, кто этот человек, мы с ним случайно встретились и заговорили.

– В таком случае вы можете почитать себя счастливыми: вы говорили с прославленным ученым мужем, и теперь все присутствующие чтут вас и завидуют вам. Это не кто иной, как Мустафа, ученый дервиш.

– Мустафа, наставник сына нашего шейха, мудрый Мустафа, написавший много ученых книг, побывавший в далеких странствиях во всех частях света? Мы беседовали с Мустафой? И беседовали так, словно он нам равный, без должной почтительности?

Юноши все еще вели разговор о слышанных сказках и о старике, оказавшемся дервишем Мустафой. Они были немало польщены, что такой прославленный старец удостоил их своим вниманием и даже не раз с ними беседовал и спорил. Тут к ним неожиданно подошел надсмотрщик над рабами и пригласил их следовать за собой к шейху, который желал с ними поговорить.

У юношей екнуло сердце. Ни разу еще не говорили они со столь знатным человеком даже наедине, не то что в таком многолюдном обществе. Однако, не желая показаться глупцами, они взяли себя в руки и последовали за надсмотрщиком. Али-Бану восседал на роскошной подушке и кушал шербет. По правую руку от него, на дорогой подушке сидел старик в своей убогой одежде, скрестив на богатом ковре персидской работы ноги в жалких сандалиях, но его благородная голова, его взгляд, полный достоинства и мудрости, свидетельствовали, что его место поистине рядом с таким человеком, как шейх.

Шейх был очень хмур, а старик, казалось, старался утешить и ободрить его. В том, что их позвали пред очи шейха, юноши тоже усмотрели хитрость старика, вероятно, думавшего, что беседа с ними, может быть, разгонит тоску Али-Бану.

– Приветствую вас, о юноши, – сказал шейх, – приветствую вас в доме у Али-Бану. Мой старый друг, что сидит здесь, заслужил мою благодарность, приведя вас сюда; но я немножко сердит на него за то, что он не привел вас ко мне раньше. Который же из вас писец?

– Я, о господин! Рад услужить вам, – сказал молодой писец, скрестив руки на груди и низко кланяясь.

– Итак, вы очень охотно слушаете сказки и охотно читаете книги с прекрасными стихами и изречениями?

Юноша покраснел и ответил:

– О господин! Я не знаю более приятного развлечения и охотно провожу так свой досуг. Это обогащает ум и коротает время. Но у каждого свой вкус, и я, конечно, не осуждаю того, кто...

– Знаю, знаю, – перебил его шейх, смеясь, и подозвал второго.

– А ты кто? – спросил он.

– Господин, я работаю подручным у лекаря и сам уже врачую больных.

– Так, – молвил шейх. – Так вот он, любитель хорошо пожить! Вам бы попировать и повеселиться с добрыми друзьями? Не правда ли, я угадал?

Юноша был пристыжен, он чувствовал, что его выдали и что старик, должно быть, пересказал и его слова. Все же он собрался с духом и ответил:

– О да, господии, я считаю одной из житейских радостей возможность скоротать время с хорошими друзьями. К сожалению, кошелька моего хватает только на то, чтобы предложить друзьям арбузы и другое столь же дешевое угощение; однако это не мешает нам веселиться, и можно себе представить, насколько бы веселее мы были, будь у меня побольше денег.

Смелый ответ пришелся по вкусу шейху, и он не мог удержаться от смеха.

– А который же из вас – купец? – продолжал он расспросы.

Молодой купец ответил:

– Я вижу, о повелитель, что старец, дабы развлечь вас, пересказал вам все наши глупости. Если ему удалось развеселить вас, я рад, что послужил вам утехой. Что же касается музыки и пляски, то, признаюсь, нелегко отыскать другую забаву, которая так же пришлась бы мне по душе. Но не подумайте, о повелитель, что я порицаю вас, ежели вы...

– Довольно, не продолжайте! – молвил шейх, улыбаясь и подняв руку. – Вы хотите сказать: каждому свое. Но там я вижу еще одного. Вы, верно, тот, что стремится к странствиям? Кто вы?

– Я художник, о господин, – ответил юноша, – я расписываю красивыми видами стены покоев или изображаю их на холсте. Поглядеть чужие края – моя заветная мечта, там можно повидать много чудесных местностей и потом воспроизвести их, а как правило – в рисунке виденное всегда выходит красивей, чем то, что выдумал сам.

Шейх смотрел на статных юношей, и взгляд его был строг и угрюм.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)